

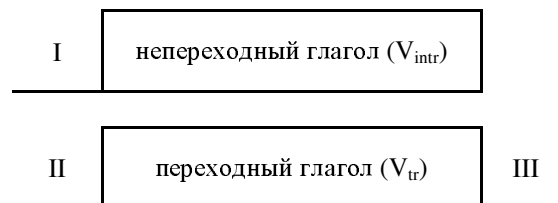
Ferenc HAVAS

Полуаккузативная конструкция русского языка и ее значение с историческо-типологической точки зрения

Названные моменты будут рассматриваться в нижеследующем в обратном, по отношению к заглавию, порядке. Сначала мы будем заниматься соответствующей – а именно контенсивно-синтаксической¹ – отраслью лингвистической типологии вообще, потом перейдем к историческому толкованию последней, с тем, чтобы затем прийти к анализу самой полуаккузативной конструкции русского языка, уже вооружившись теоретическими точками зрения для ее оценки.

Начнем с анализа возможных строев простого предложения в языках мира. В качестве стандарта возьмем структуру с глагольным предикатом, центральным ядром простого предложения. С семантической точки зрения, глагол может иметь при себе, в основном, двоякого рода обязательные дополнения. Распространитель глагола, выражающий сознательного, намеренного инициатора отражаемого им действия, мы будем называть агенсом; пациенсом же – обязательное дополнение глагола, выражающее существо, на которое направлены процесс или состояние, представленные в значении глагола. Таким образом, опираясь на данные понятия, можно говорить, что непереходный (интранзитивный) глагол определяется как глагол максимум с одним обязательным дополнением, переходный (транзитивный) же – как глагол минимум с двумя обязательными дополнениями, по меньшей мере одно из которых является пациенсом.² Исходя из изложенного видно, что при глаголах возникают трех видов обязательные дополнения, выполняются три разные функции, которые здесь условно я буду обозначать римскими цифрами. (В целях сопоставимости в нижеследующей и дальнейших схемах везде негласно предполагается порядок слов SVO.)

(1)

Функции, обозначенные римскими цифрами, грамматически могут выражаться в языках мира либо строго фиксированным порядком слов, либо разными падежными окончаниями (некоторые в данном случае могут быть нулевыми), иногда послелогоми или клитиками, и наконец, одновременно

всеми названными средствами. Ради простоты изложения предлагаю здесь иметь в виду вариант с (разными) падежными окончаниями.

Исходя из того предположения, что ни один язык не может служить настоящим средством отражения мира и осмысленного общения, если он не способен отражать разницу между ситуациями типа *охотник убил тигра* и *тигр убил охотника*, функции II и III явно не должны совпадать друг с другом. Следовательно, распределение этих функций (падежей) может принять три вида: либо все три формы отличаются друг от друга, либо две из них совпадают – но не II и III. Стало быть, возможны три основные схемы построения предложения.

Начнем с наиболее известного нам номинативного варианта. Он, естественно, характеризуется совпадением I и II функций и отличием их от III:

(2)

Номинативный строй предложения

$I = II \neq III$

<u>I</u>	непереходный глагол (V_{intr})	
<u>II</u>	переходный глагол (V_{tr})	III

Совпадающие по своей форме (маркированной или нулевой) I и II функции – именно и только благодаря этой тождественности – представляют собой именительный падеж (номинатив), оформляя, тем самым, подлежащее (субъект) предложения. Функция же третья, в этом случае ограничивающаяся оформлением пациенса переходного глагола, естественным образом представляет собой винительный падеж (аккузатив), характерный тем самым для прямого дополнения (объекта) глагола.³

Вопреки всей видимости, номинатив вовсе не есть какой-то простейший, основной, «исходный» член падежной системы. Наоборот, если посмотреть на его функции с семантической точки зрения, обнаруживается весьма обширный охват выражаемых им отношений, большинство которых в то же время может обозначаться и посредством других, неноминативных, падежей. См. хотя бы следующие примеры функциональных ролей именительного падежа (последние взяты из английского языка, где и такие конструкции допускаются):

(3) *Мальчик болеет.*

(пациенс состояния)

Мальчик кашляет.

(агенс [пациенс?] неконтролируемого действия)

Мальчик бежит.

(агенс контролируемого непереходного действия)

Мальчик печет хлеб.
 (агнс-эффицент переходного действия)
Мальчик ест хлеба.
 (агнс-аффицент переходного действия)
Мальчик умывается.
 (агнс возвратного действия)
Мальчик приглашается в гости.
 (пациенс переходного действия)
The teacher was given a bottle of wine.
 (адресат переходного действия)
This violin is easy to play the sonata on.
 (место [инструмент?] переходного действия) и т. д.

Уже на основе этих примеров можно прийти к выводу, что именительный падеж на самом деле представляет собой наиболее абстрактное, тем самым «последнее», т. е. исторически младшее, завоевание падежной морфологии языка.

Языки, пользующиеся номинативным строем предложения, занимают львиную долю лингвистического пространства. В их число входит подавляющее большинство индоевропейских языков, такой строй наблюдается в алтайских, уральских языках, а также в некоторых других, принадлежащих к иным семьям языков.

Тем не менее среди языков мира встречаются и такие, в которых основная схема предложения отличается от номинативной. Триадический⁴ строй, например, различает все три названные функции:

(4)

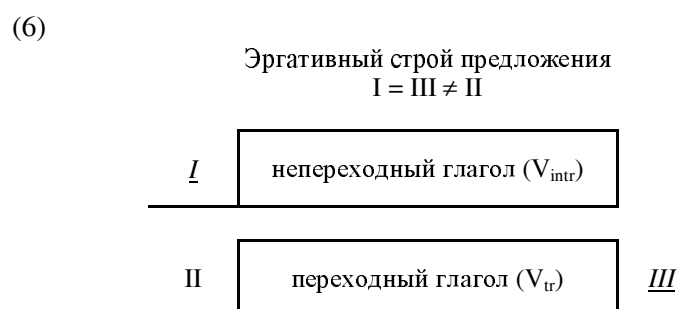
Триадический строй предложения
 $I \neq II \neq III$

I	непереходный глагол (V_{intr})	
II	переходный глагол (V_{tr})	III

В этом синтаксическом строе, собственно говоря, нет ни именительного падежа, ни подлежащего как таковых, ибо оба они предполагали бы совпадение первых двух функций. Поэтому эти падежи требуют особого названия, напр. первый может быть назван стативным падежом, а второй – агентивным. Винительный же падеж, и, соответственно, объект, в этом строе так же налицо, как и в номинативном, так как третья функция оформляет и здесь исключительно пациенс переходного глагола. Языков, характеризующихся триадическим построением предложения, крайне мало, однако они встречаются в Австралии, как напр. языки ванкумара, галали, дялани. См. примеры из ванкумары:

- (5) *kana-ia* *palu-ŋa* ‘Человек умер.’
человек-статив умереть-пр.в.
kana-ulu *kalka-ŋa* *titi-nana* ‘Человек убил суку.’
человек-агентив убить-пр.в. собака-вин.ж.р.

Вероятно, более известным, чем триадический, оказывается эргативный строй предложения. В нем, как известно, (если взглянуть на него через «номинативную призму») «подлежащее» непереходного глагола оформляется так же, как и «прямое дополнение» переходного, в отличие от «подлежащего» последнего:

Функция вторая, оформленная всегда морфологически т. н. эргативным падежом, и дала в принципе название этому построению предложения в целом. Эргативом (т. е. падежом «подлежащего» исключительно переходных глаголов) может оказаться либо особый формант, либо какое-то падежное окончание, выступающее, кроме этого, и в роли косвенного падежа того же языка. Падеж, совмещающий I и III функции, называется абсолютным (абсолютивом).

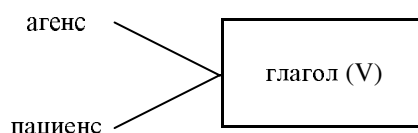
Эргативные языки встречаются в значительном количестве среди кавказских языков, есть они и среди палеоазиатских, в Европе таковым является баскский, представлены они и в Америке и Австралии. Приведем пример из языка яларннга (Австралия):

- (7) *kupi* *waya* *kuni-ŋka* ‘Рыба в воде.’
рыба-абс. то вода-локатив
na-tu *kupi* *wala-mu* ‘Я убил рыбу.’
я-эрг. рыба-абс. убить-пр.в.
kupi-ŋku *milŋa* *taca-mu* ‘Рыба проглотила муху.’
рыба-эрг. муха-абс. проглотить-пр.в.

Переходя к рассмотрению четвертой схемы, мы должны отказаться от ориентировки по принципу переходности–непереходности. Ибо в так называемом активном построении предложения падежное оформление обязательного дополнения зависит только от семантики последнего: является ли оно агенсом или пациенсом.

(8)

Активный строй предложения

При этой синтаксической схеме «подлежащее» такого непереходного глагола, как, напр., *болеть* (в зн. ‘быть больным’), в своем оформлении не отличается от «подлежащего» такого переходного глагола, как *видеть*, в то же время как «подлежащие» глаголов, напр. *плыть* и *смотреть*, выражающих активное, сознательное действие, оформляются одинаковым окончанием, отличающимся от стоящего при ранее названных глаголах состояния или пассивного ощущения. Таким образом, в активном типе в оформлении существительного (или, как в нижеследующих примерах, в выборе личного форманта) – и, следовательно, в построении предложения – переходность или непереходность глагола как таковая не играет первостепенной роли.⁵ См. примеры из дакоты (Северная Америка):

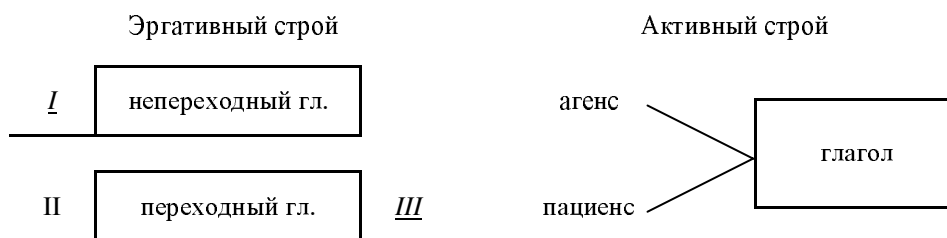
- (9) *ma-ṭa* ‘я умираю’
ma-ṭ-kaśka ‘меня (он/она) вяжет’
ma-ya-kaśka ‘меня ты вяжешь’
wa-ti ‘я живу где-то’
ṭ-wa-kaśka ‘(его/ее) я вяжу’⁶

Активные языки ныне характерны только для обеих Америк, зато число подобных индейских языков там выше ста, они представлены в разных (условно выражаясь) мегасемьях, и хотя носителей таких языков, взятых по отдельности, в большинстве случаев немного, есть среди них и такой, на котором говорит больше миллиона человек (гуарани).⁷

Четыре названные схемы можно сопоставить. Получается следующая картина:

(10)

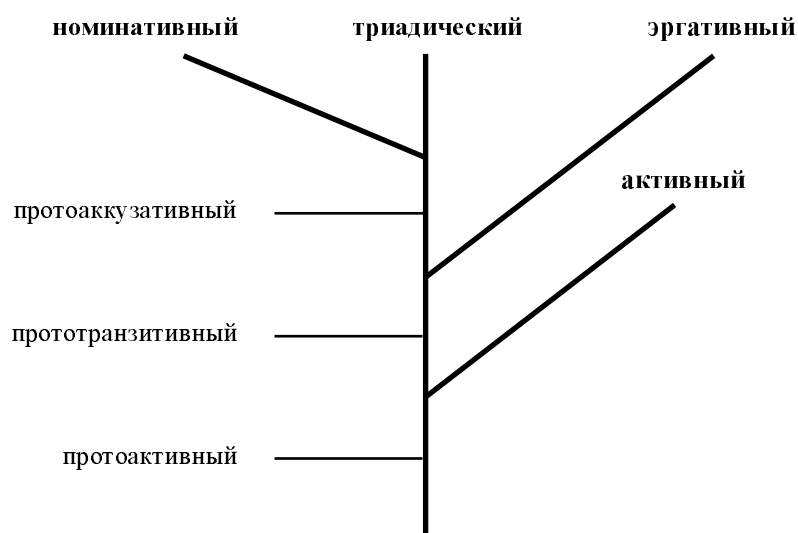
Номинативный строй			Триадический строй		
<i>I</i>	непереходный гл.		<i>I</i>	непереходный гл.	
<i>II</i>	переходный гл.	<i>III</i> _(Вп.)	<i>II</i>	переходный гл.	<i>III</i> _(Вп.)

Четыре схемы расходятся явно не в одинаковой мере. Ближе всего друг к другу стоят первые два типа, т. е. номинативный и триадический. Их объединяет наличие винительного падежа, в силу чего обе эти схемы можно назвать аккумулятивными. Первые три схемы, в свою очередь, представляют собой другую единую по отношению к четвертой группу: исключительно в них переходность–непереходность является стержневым принципом построения предложения, чего в активном строе не наблюдается. Так, номинативная, триадическая и эргативная схемы есть транзитивные построения, в то время как активная схема – нетранзитивное.

Основная гипотеза предлагаемого мной «схематогонического» подхода⁸ заключается в том, что указанные синхронно-формальные отношения (сходства и различия) схем построения предложения восходят к их историческому формированию. Таким образом, дело не в истории языков как таковых, а в общей истории (ходе возникновения) самих синтаксических принципов. Исторические отношения названных строев предложения можно представить в виде «родословного древа» следующим образом:

(11)

Номинативное построение предложения с его самым абстрактным и формальным именительным падежом (и, следовательно, категорией общего подлежащего как такового) является в определенном смысле позднейшим результатом развития принципов построения предложения. Винительный падеж номинативного строя оказывается элементом явно более древним, чем именительный, ибо предыдущий имеется и в триадическом строе – и это одно из важнейших утверждений, вытекающих из данного сопоставления. Стало быть, аккузатив есть порождение еще т. н. протоаккузативного периода, предшествующего разветвлению развития на триадический и номинативный (или, другими словами, ответвлению – путем совмещения I и II функций – номинативного построения от «древне»триадического). Если шагнуть на ступень ниже, то возникновение принципа транзитивности (зависимости распределения функций по координату непереходность–переходность глагола) должно быть отнесено к еще более древнему, прототранзитивному, периоду, в силу его наличия – помимо обоих аккузативных – также и в эргативном строе предложения, и отсутствия в активном. В гипотезы о еще более глубоком прошлом синтаксическо-типологического развития, которое привело к активному строю, т. е. в протоактивный период, нам с точки зрения нашей теперешней задачи вдаваться нет необходимости.

Еще раз подчеркнем наш вывод о том, что винительный падеж в историческо-типологическом смысле старше именительного.⁹ Это, конечно, подтверждается уже самим фактом существования триадических языков, обладающих аккузативом (III) без наличия в них общего номинатива (I = II). Но возможность такой конструкции засвидетельствована и в некоторых построениях языков иных типов, в том числе и в номинативном русском, к которому сейчас и переходим.

Как известно, семантически транзитивные процессы, составными элементами которых являются моменты, грамматически отражающиеся переходным глаголом и его двумя обязательными дополнениями, в большинстве случаев можно передать двояким образом: предложениями действительными (типа *охотник убил тигра*) и страдательными (типа *тигр [был] убит охотником*). Но существует особая подгруппа таких ситуаций, которые в русском языке, кроме названных типов, могут быть оформлены еще и третьим образом, как напр. в следующем случае:

- (12) (а) *Волна унесла лодку.*
 (б) *Лодка (была) унесена волной.*
 (в) *Волной унесло лодку.*

Ясно, что (в) не является ни действительным, ни страдательным предложением. Пассивным оно не может быть, т. к. пациенс – семантический объект – стоит в нем в винительном (а не в ожидаемом именительном) падеже, но в то же время оно и не активно, поскольку агенс – семантический субъект – здесь оформлен творительным падежом (также вместо именительного). Именно этот творительный падеж – «инструментал» – и лег

когда-то в основу далеко идущих толкований данной конструкции как эллиптической. В соответствии с этой интерпретацией, *волной* в предложении (в) на самом деле представляет инструмент, орудие какой-то неназванной, синтаксически опущенной, тем не менее подразумеваемой стихии, которая пользуясь волной как орудием, и унесла лодку. Однако такому толкованию можно привести ряд контраргументов.

Во-первых, если предполагаемая сверхъестественная сила, своего рода олицетворенное божество, есть настоящее подлежащее предложения, ожидается, что сказуемое грамматически должно согласовываться с ним. Сказуемое же, представленное в прошедшем времени, в подобных предложениях всегда стоит в среднем роде (единственного числа). А ведь не известно мифологических воззрений, в которых хозяева мироздания – если они олицетворены в антропоморфическом образе – не представляли бы либо мужского, либо женского начала, т. е. грамматически не были бы соответствующим образом существительными либо мужского, либо женского рода, требуя, конечно, соответствующего согласования сказуемого.¹⁰ Следовательно, средний род выступает здесь вовсе не в силу конгруенции. Такое его употребление, впрочем, отнюдь не ограничивается названными конструкциями в русском языке. Все т. н. безличные глаголы, в том числе и с нулевой валентностью, одинаково следуют этому принципу, ср. *вечерело, смеркалось* и т. д. Если мы к последним примерам и другим подобным не ставим вопрос типа «что вечерело?» «что смеркалось?», то, надо полагать, он не уместен и в отношении названных транзитивных конструкций. Наоборот, можно было бы даже сформулировать закон «родовой инерции», в соответствии с которым русский глагол единственного числа прошедшего времени стоит как правило в среднем роде, если только это не исключается наличием выраженного подлежащего несреднего рода (или местоимения *семьи кто*).

Во-вторых, если посмотреть на примеры поведения толкуемой конструкции, то бросается в глаза следующее: выбор (мнимых) подлежащих – т. е. агентов в творительном падеже – семантически ясно ограничен. В этой функции выступают выражения, отражающие либо природные силы, процессы, либо квази-стихийные явления – во всяком случае, вынужденные происшествия, влиянию которых пациенс неизбежно и бесконтрольно подвержен. См. например:

- (13) *дорогу занесло снегом*
пшеницу побило градом
луга затопило водой
молнией зажгло дом
лес заволокло туманом
кепку сдуло с головы (ветром)
глаза заволокло слезами
бомбардировкой уничтожило деревню
и т. п.

Требуемое к рассматриваемой конструкции определенное семантическое поле (квази)агента, стоящего здесь в творительном падеже, явно исключает инструментал орудия действия. Это настолько справедливо, что если последнее действительно присутствует, то данная конструкция как правило неупотребительна. Например, (*)*камнем убило мышь*, если вообще такое выражение возможно, то оно может обозначать только что-то вроде 'свалившийся камень попал прямо в мышь и убил ее', но никак не 'кто-то убил мышь камнем' а напр. **кулаком убило мышь* абсолютно невозможно, т. к. этому происшествию никак нельзя приписать характер стихийности. Значит, стоящий в творительном падеже член этой конструкции не является орудием не только каких-то мифических сил, а вообще не может выражать (чьего-либо) орудия.

В-третьих, вряд ли можно отрицать, что грамматическая функция творительного падежа в предложениях типа *волной унесло лодку* тождественна его роли в страдательных предложениях (*лодка унесена волной*). А в связи с последними вряд ли кому-нибудь придет в голову мысль ассоциировать грамматический инструментал с обозначением орудия (чьим же орудием мог бы быть, например, *автор* в предложении *книга пишется автором*?). Скорее, у обеих конструкций следует искать какую-то общую, не связанную с выражением орудия, причину употребления этой падежной формы.

Найти эту функцию затруднительно, пожалуй, прежде всего из-за ее общепринятого обозначения «инструментал», уже само по себе внушающего, что мы имеем дело с формой, изначально и в первую очередь предназначенной для десигнации инструмента действия. В то же время, следует заметить, что данная форма в ряде языков употребляется для обозначения самых разных определений, например, времени (*весной, осенью*), образа действия (*с любовью, со злостью, с правом* – соответствующие словоформы в большинстве других языков употребляются даже без предлога), порой места (*мы шли лесом*) и т. д. и т. п. Правда, в таких случаях принято говорить о метафорическом употреблении падежа. Однако стоит задаться вопросом: что вероятнее, переносится ли его функция от обозначения орудия на передачу разных внешних условий действия (вплоть до временных), или наоборот, именно орудие представляется как одно из возможных обстоятельств действия? Разумеется, второе предположение намного более правдоподобно: то, что называется инструменталом, есть первоначально сигнализация обстоятельств действия в весьма широком смысле, которое самым естественным образом может применяться к обозначению пространственных, временных, других обстоятельственных отношений, в том числе и орудия действия. В страдательных предложениях русского языка, также как и в рассматриваемых специфических конструкциях, творительный падеж, конечно, не представляет какого-либо орудия, а выступает в своей первоначальной роли обозначения общего обстоятельства действия: им выражается известное важное обстоятельство процесса, происходящего или про-

исшедшего с пациентом (в данном случае его непосредственное причинное условие: агенс).

Итак, *волной унесло лодку* (и представляемая этим примером конструкция вообще) не имеет при себе обозначения орудия действия, тем самым в ней не «отсутствует» подлежащее или любой другой член предложения (она не эллиптика). Это – на подобие действительным и страдательным предложениям – целостная транзитивная структура, со всеми тремя обязательными составными частями таковой: переходным глаголом и обозначением как агенса, так и пациенса. Ее инструментальнообразно оформленный член намного больше напоминает агентив триадической схемы, нежели обстоятельство орудия действия номинативного предложения, не говоря уже о подлежащем последнего. Эта синтаксическая формация – наблюдаемая, впрочем, и в некоторых других языках, в том числе и в финно-угорском ханты¹¹ – на самом деле представляет собой реликт древней синтаксической конструкции, в которой по принципу ее строя (еще) не было подлежащего, зато явно наличествовало прямое дополнение (аккузатив) – *quod erat demonstrandum*.

Если и впредь рассматривать транзитивные конструкции с объектом в винительном падеже и подлежащим в именительном как «нормальную», целостную аккузативную схему, то только что рассмотренную – за неимением лучшего термина – условно можно называть полуаккузативной конструкцией.

Историческая типология должна ценить полуаккузативную конструкцию как один из дономинативных пережитков, окаменевших вкраплений в материале номинативных языков. Приятно, что русский язык представляет ее примеры в таком обилии.

Примечания

1. При этом контенсивно-синтаксическая типология противопоставляется формальной, рассматривающей вопросы, связанные с порядком элементов в предложении.

2. Эти определения в принципе охватывают кроме одно- и двувалентных глаголов как безличные непереходные глаголы нулевой валентности, типа *вечерееет*, так и дитранзитивные с тремя обязательными дополнениями, типа *сказать* (кто-то, что-то, кому-то). В принципе здесь подобным глаголам мы не будем уделять особого внимания, так как они относительно безразличны в отношении нашей тематики. Вставка «по меньшей мере» при глаголах переходных относится к таким предложениям, как напр. *мальчик ненавидит гречку*, где, за неимением агенса, оба дополнения глагола могут рассматриваться как пациенсы.

3. Страдательные предложения также не выходят за рамки номинативного принципа, поскольку они подобным же образом опираются на именительный падеж.

4. В англоязычной литературе часто ссылаются на них под названием *three-way* или *tripartite*.

5. Не надо путать семантическое (логическое) и синтаксическое понятия транзитивности. Семантически, конечно, во всех языках мира глагол, выражающий значение ‘умереть’, непереходный, а глагол со значением ‘убить’ – переходный. Вопрос же с типологической точки зрения состоит в том, является ли это условие определяющим для оформления предложения (кроме, конечно, сплошного количества дополнений).

6. Как видно, *ta* обозначает ‘пассивное «я»’, а *wa* ‘активное «я»’ при глаголе любой транзитивности.

7. В языках мира наблюдаются и некоторые другие схемы синтаксического строя. Для наших же настоящих целей мы можем обойтись без их показа.

8. Схематогония = ‘рождение – т. е. возникновение – основных схем (построений) предложения’.

9. Тем самым подлежащее как таковое есть также завоевание исторического развития схем построения предложения. Оно, как об этом уже было сказано, как таковое возникает только в случае совпадения I и II функций. При этом нельзя путать понятие (грамматического) подлежащего с логическим понятием субъекта и/или с семантическим понятием агенса. Последние, и тот, и другой, выражаются не обязательно именительным падежом – и являются подлежащими предложения – даже в номинативных языках, не говоря уже о языках других синтаксических типов.

10. Здесь имеется в виду скорее грамматический род, а не пол, приписываемый этим существам идеологией данного мировоззрения. Ангелы, например, христианской теологией представляются как не имеющие определенного пола, тем не менее в русском языке слово *ангел* однозначно мужского рода.

11. В виду имеются некоторые восточные диалекты хантыйского языка (вахский, васюганский). Правда, данная конструкция выступает в них лишь при употреблении личных местоимений – по той простой причине, что в отличие от последних у полноценных имен существительных винительный падеж совпадает с именительным, вследствие чего рассматриваемая конструкция не отличается от страдательной.